

Вергилия Коулл

18+

Черный
код

18+

Вергилия Коулл

Черный код

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67472838

SelfPub; 2022

Аннотация

Подтвердить вину убийцы легко. Особенно, если он сам во всем сознался. Но что если этот обаятельный мерзавец затронет самые потаенные струны твоей души?!

Вергилия Коулл

Черный код

1

Я коснулась пальцами прохладной хромированной дверной ручки, но повернуть так и не смогла. Закрыла глаза, раздраженно выдохнула через нос, выпрямила спину и обернулась к Вронской – адвокату подсудимого – сухопарой женщине в годах с белой, почти бесцветной кожей и крашеными в платиновый цвет волосами.

– В переговорную я пойду одна.

Она приподняла бровь.

– Я бы хотела присутствовать при встрече с подзащитным.

– Вы можете присутствовать в комнате наблюдения. Оттуда все прекрасно слышно и видно через специальное окно, – отрезала я, понимая, что в другой ситуации, возможно, пришлось бы уступить.

Но я находилась перед серой металлической дверью в комнату, в которую не имела ни малейшего желания входить. Мне предстояло в ближайшем будущем тесно общаться с человеком, о котором ходили самые дурные слухи. И на фоне подобной перспективы все лишние наблюдатели, страстно дрожащие над соблюдением формальностей, могли идти лесом.

– Это мой первый контакт с объектом, – отчеканила я, глядя ей прямо в глаза, – и от того, насколько доверительные отношения между нами возникнут, зависит успех вашего, как вы говорите, дела. Поэтому я настаиваю на том, чтобы первая встреча и беседа состоялись с глазу на глаз. Даже если это будет подразумевать лишь условное уединение.

С минуту Вронская сверлила меня взглядом, но все же соизволила отойти к другой двери, ведущей в комнату наблюдения. Избавившись от нежеланного эскорта, я переложила пластиковую папку с досье из одной вспотевшей ладони в другую и заставила себя войти в переговорную.

Все оказалось даже хуже, чем ожидала.

Он был красив той универсальной красотой, которая нравится девяноста процентам половозрелых женщин, если учесть, что остальные десять – лесбиянки. Не смазлив, а именно красив. Спокойной, мужской, достигшей своего расцвета красотой. Прямой нос. Широкие скулы. Густые темные волосы и брови. Верхняя губа, пожалуй, казалась чуть-чуть длинноватой, но это нисколько не портило общую картину. Даже казенная одежда на мощных плечах смотрелась так, что ее хотелось сорвать с него зубами, постанывая от желания. Ни один экран телевизора не мог передать реальности. У меня перехватило дыхание и закололо в груди. Я прилипла спиной к двери, сглатывая и напоминая себе, что где-то там в моей жизни имеется Сережа.

Мне сразу же не понравился взгляд будущего объекта.

Слишком умный и проницательный. И поза, которую принял мужчина. Ноги широко расставлены. Руки небрежно сложены на столешнице, словно на запястьях в целях моей безопасности совсем нет наручников, а те, в свою очередь, не прикованы цепью к металлическому поручню посередине стола.

Подсудимый, чья жизнь полностью зависит от результата моей работы.

Я сглотнула еще раз, отлепилась от двери. Краем глаза наконец-то начала замечать окружающую обстановку: охранника с каменным выражением лица, который замер в углу, и то самое широкое тонированное окно, отделяющее нас от комнаты наблюдения.

Никогда не отдавала себе отчета, что мои каблуки так громко стучат по плиткам. Или это грохотало мое сердце? Все те несколько секунд, которые потребовались, чтобы преодолеть расстояние от двери до стола и приземлиться напротив объекта, я кожей чувствовала на себе ироничный и слегка презрительный мужской взгляд.

Сделав вид, что меня это совершенно не волнует, я хлопнула по столу папкой и распахнула ее. Фотография, приклеенная в левом верхнем углу досье, тоже была лишь слабым подобием реальности. Я все больше начинала жалеть, что уступила мольбам и согласилась взяться за это дело.

– Итак... – мне пришлось прочистить горло, потому что голос получился слишком хриплым, – Максим Велс, трид-

цать два года...

– Синий Код, одна из десяти лучших Синих Кодов страны, – ответил он в унисон мне.

Я вскинула ледяной взгляд, показывая, что его комментарии не приветствуются. В карих глазах плясала насмешка. Всем видом их обладатель показывал мне, что плевать хотел и на эксперимент, и на то, что я притащилась сюда вершить его судьбу.

– Не одна из десяти, а лучшая, – высокомерно уточнила я, – иначе ваш адвокат не доставала бы меня звонками два дня подряд. Но мы сейчас не меня обсуждаем.

– Это не мой адвокат, – покачал Макс головой, – а моей сестры. А что до десятки лучших... так говорили в прессе. Я всего лишь повторяю чужие слова.

Я с трудом удержалась, чтобы не фыркнуть. Корчит из себя всезнайку, основываясь лишь на слухах из прессы.

– Как бы то ни было, адвокат вашей сестры собрался защищать вас.

Он развел руками.

– Тут я не могу помешать. Пробовал отказаться, но безуспешно.

– Вернемся к досье, – я опустила взгляд вниз, уповая, чтобы Макс не расценил это как попытку бегства. Смотреть на его холеное и гордое лицо и одновременно соображать было выше моих сил. – Тридцать два года, женат...

– Был женат.

Неужели развелся? Невозможно поверить, что какая-то счастливица добровольно упустила его из капкана. Я подавила приятное удивление в груди и мысленно отругала себя.

– В любом случае это никак не влияет на дело. Вот здесь написано, что вы... – я еще раз пробежала глазами по строчкам, – вы сами требуете назначить в качестве приговора смертную казнь?!

Так как Макс не отвечал, мне пришлось посмотреть на него. Словно только и ждал этого, самодовольный засранец медленно кивнул. Прекрасно. Он даже говорить вслух уже считает ниже своего достоинства.

– Но почему?! – все же не сдержала удивления я.

– Потому что я этого достоин.

Замечательный ответ. Убийцу хотят спасти все, кроме самого убийцы. Чего еще ожидать от человека, который ведет себя так, словно сделал миру одолжение одним своим появлением на свет?

– Конечно вы этого достойны, – прошипела я, против воли растеряв всю профессиональную компетентность. Эмоции захлестнули с головой. – Потому что вы застрелили гения с перспективным будущим. Надежду нашей страны! Ты... убил... его...

Ни один мускул не дрогнул на лице Макса, пока он выслушивал мои гневные обвинения. Неизвестно, что творилось в комнате наблюдения, но для меня самой стало ясно, что первый контакт с объектом пошел ко всем чертям. Нет

более неподходящего для работы человека, чем тот, к которому перцептор испытывает личную неприязнь. А я ее испытывала. Хоть Сергей и просил не показывать это никому. Я честно старалась так и делать, пока разговор не коснулся больной темы.

– Андрей Викторович был моим учителем, – судорожно сжимая кулаки, процедила я, – моим наставником... я обязана ему всем, что у меня есть... а ты его... убил!

– Мне очень жаль, Синий Код.

Показалось, или в голосе этого мерзавца прозвучало сочувствие?

Я тряхнула головой.

– У меня есть имя. Меня зовут Анита. Называть меня Синим Кодом – это просто неуважение.

Внезапно Макс подался вперед. Его мощное тело с таким усилием обрушилось на стол, что я невольно отпрянула, прижалась к спинке стула, а охранник встрепенулся и потянул руку к дубинке.

– Ты можешь называть себя как угодно, – прорычал мне в лицо Макс, грозно сверкая глазами, – но для меня ты – просто зомбированная девочка, одна из множества точно таких же зомбированных людей. Мне плевать, оскорбляет тебя этот факт или нет. Как по мне, так даже звание Синего Кода для тебя слишком высокое. Ты годна лишь для одного дела. Чтобы я швырнул тебя голяком на этот стол и отделал по самое «не хочу». И поверь, я бы с большим удовольстви-

ем сделал это, не будь мои руки прикованы к этой железяке.

Он прищурился и оскалился, часто и глубоко дыша. Я поймала себя на мысли, что пытаюсь отклониться до боли в позвоночнике. В переговорной повисла тишина.

– На место! – послышался приказ охранника.

Макс тут же стрельнул в меня из-под век прежним насмешливым взглядом и принял расслабленную позу. Я сгребла со стола досье, поднялась на ноги. Колени слегка дрожали, но не от страха – от ярости.

– Первый сеанс считаю оконченным, – бросила я, пытаюсь сохранить последние крохи самоуважения, – но советую подготовиться к следующему. Если вы откажетесь добровольно вступать в контакт, придется делать это медикаментозно. Предупреждаю, что это больно. Хотя вам наверняка тоже наплевать. Но так или иначе, поверьте, я увижу всю картину. И, возможно, ваше прошение о казни с радостью удовлетворят.

Повернувшись на каблуках, я пошагала к двери.

– Отлично, Синий Код, – ударился мне в спину насмешливый голос. – До встречи в моих фантазиях. Поверь, они будут очень эротичными.

Некоторое время назад

Теплая вода текла по плечам, лаская и обволакивая кожу. Гладила бедра, скользила по ногам, искрилась брызгами во-

круг ступней. Я выдохнула, склонила голову в одну сторону, потом – в другую, разминая еще затекшие после сна мышцы шеи. Утренний душ должен быть прохладным, чтобы бодрил и настраивал на новый день, но почему-то хотелось чего-то нежного и расслабляющего.

Как мужские пальцы, которые легли на затылок и принялись массировать его.

Я невольно застонала. Даже не заметила, как муж вошел в кабинку и присоединился ко мне. Обычно дуновение воздуха его выдавало. Видимо, в этот раз я слишком задумалась или просто так подействовала накопившаяся усталость?

– Вчера поздно пришла, маська... – шепнул на ухо Сергей, прижимаясь ко мне сзади всем телом. Сильные плечи, твердая грудь и... уже полная боевая готовность в паху.

Я снова издала протяжный стон, потому что подушечки его больших пальцев начали обводить мой выступающий седьмой позвонок, а ладони – разминать мышцы у основания шеи.

– Было много работы.

– Всю ночь ворочалась... плохо спала?

Не открывая глаз, я, насколько могла, кивнула.

– Кто на этот раз?

Я помотала головой, показывая, что не хочу вспоминать тот кошмар. Не зря ведь выкладывалась по полной, чтобы скорее закрыть дело. Все закончилось, и теперь хотелось лишь покоя и отдыха.

– Кто? – настаивал Сергей. – Расскажи, легче станет.

Давление на мышцы увеличилось. Стало сильным, до боли, но именно это ощущение показалось мне самым приятным. Кровь разогревалась и делала кожу эластичнее, а в совокупности с теплым душем все походило на неплохой сеанс релакса.

– Педофил, – неохотно процедила я сквозь зубы. – Никак не признавался, где держит своих жертв, и остался ли там кто-то в живых. Но я его пробила. Наконец-то.

Легкая дрожь побежала по телу при воспоминаниях об увиденном. А, учитывая, что пришлось и побывать в шкуре тех самых жертв... немудрено, что я не могла толком уснуть до утра.

– Хочешь вступить в контакт? Поработать со мной?

Я слабо улыбнулась. В паре перцепторов есть и свои преимущества. А Сергей всегда был заботливым мужем. Не просто поддерживал меня. Иногда казалось – читал как раскрытую книгу. Но бывали моменты, когда забота скрипела сахаром на зубах.

Муж прижимал меня к себе все крепче. Его горячие губы скользнули по тому месту, где только что блуждали пальцы. Язык обвел позвонки на моей шее. Руки обхватили меня, нашли и осторожно сжали грудь. Я невольно выгнулась и потерлась попкой о Сергея.

– Не хочу. Уже скинула все образы на куратора. То, что осталось – забудется само собой, как и положено. Я уже по-

лучила соответствующую установку.

Муж резко подал бедра вперед, твердый член оказался между моих ног. Знакомые движения человека, который уже изучен вдоль и поперек. Вода струилась по нашим телам, а я уже предвкушала, что сейчас Сергей развернет меня к себе, прижмет спиной к стенке душевой кабины.

– Помочь тебе забыть, маська? Помочь?

От резкого поворота мокрые волосы хлестнули по плечам. Жадные губы накрыли мой рот. Руки подхватили под попку. Ответа от меня никто не ждал. Я просто позволила ласкать себя. Возможно, это – не самый худший способ скинуть напряжение после нескольких трудных недель работы.

В коротких волосах мужа блестели капельки воды. Ресницы слиплись. Иногда его голова попадала под поток воды, и тогда по лицу струились прозрачные ручейки. Когда он целовал меня, вода попадала в рот. Я почувствовала, что Сергей ловит мои руки и соединяет наши ладони. Хрипло и отрывисто прошептала:

– Сейчас?

– Ты начни, я подхватчу, – пробормотал он мне в губы.

Мы собирались заняться тем видом секса, который можно испытать лишь с перцептором. Изысканное удовольствие, достойное касты избранных. А если учесть, что подобных нам – единицы...

Я стиснула пальцы Сережи, одновременно ощущая его первый толчок в мое уже готовое тело.

Он невольно смотрит вперед и замирает, от удивления приоткрыв рот.

– Что это?

Оглядываюсь через плечо. Темная ночь над многомиллионным городом. Квадратные силуэты домов. Россыпь огней, подобных бриллиантовым брызгам. Голубой и розовый неон вывесок. Там, вдалеке, серая гладь бухты. Мы – над всем этим. И отделяет нас лишь толстое стекло прозрачной стены небоскреба.

– Это Нью-Йорк.

Муж усмехается, переводит на меня сияющий взгляд.

– У нас утро, а ты решила показать мне ночь над Нью-Йорком?!

Обвиваю руками его шею.

– Сейчас там на самом деле ночь.

Он подается вперед. Взвизгиваю, прижатая к прозрачной преграде, за которой – бездна огней. Поверх моего плеча Сергей дышит на стекло, проводит пальцем, оставляя полосу на запотевшем участке.

Проверяет: фантазия или воспоминание.

– Если бы я по-настоящему побывала в Нью-Йорке, неужели бы ты этого не знал? – дразню сквозь смех.

Он хмыкает.

– Мало ли...

В следующую секунду чувствую, как муж отводит бедра

назад. Его член медленно выскальзывает, влажный и гладкий. Закусываю губу, ловлю взгляд, скорчив заискивающую гримаску.

– Тебе не нравится? Сменить декорации?

Сергей широко ухмыляется.

– Шутишь? Ты, как всегда, лучшая из лучших.

Я тоже улыбаюсь. Я знаю это. Мы в президентском номере одного из самых дорогих отелей. Под босыми ступнями – мягкий ковер. Можно почувствовать, как утопают в нем ноги. Мебель в благородных бежевых тонах. Живые чайные розы в красивой вазе на столике. Их тонкий аромат пьянит и кружит голову.

Прекрасный вид. Здесь все для нас.

Каждая мелочь продумана.

Сергей разворачивает меня лицом к стеклу. В слабом отблеске огней вижу только свой силуэт и машинально приглаживаю растрепавшиеся волосы. Муж не дает долго прихорашиваться: у него на меня свои планы. Он кладет мои руки по очереди ладонями на стену. Я зажата в ловушке между горячим и холодным. Между надежностью и зыбкой бездной. Первое же движение вырывает прерывистый вздох из моей груди. Пальцы скрючиваются и скребут по стеклу. Сергей снова внутри. Он наполняет меня. Двигается точно так, как это необходимо. Мы слишком хорошо знаем друг друга. Я уверена, что еще через полторы минуты у меня случится оргазм, и поэтому жадно впитываю взглядом изумительную

картину. Плод моей собственной фантазии. Я умею создавать не только кошмары. Я умею создавать красоту.

Смотрю туда до тех пор, пока откуда-то изнутри не рождается щемящая волна. Она заставляет прижаться щекой к стеклу, закрыть глаза и закричать.

Я вздрогнула, потому что снова ощутила, как сверху хлещет вода. Мы в душе. С нежной улыбкой Сергей поцеловал меня в лоб и отстранился.

– Отдышись. А я пока пойду нам завтрак готовить.

Несмотря на усталость после сеанса, я все-таки почувствовала себя лучше. Прислонившись плечом к стенке, вяло наблюдала, как муж наспех моется и покидает тесное пространство. Потом привела в порядок себя.

Когда облачилась в халатик, обмотала волосы полотенцем и вышла на кухню, уже полностью одетый Сергей с бодрой улыбкой подал кружку горячего кофе. На столе обнаружилась тарелка с яичницей. Телевизор на стене тихонько бормотал фоном какую-то утреннюю передачу.

– Вот теперь с добрым утром, любимая!

Я не успела поблагодарить, потому что внимание привлекла резко сменившаяся заставка на экране. В углу появлялась и исчезала красная надпись «Экстренное сообщение». Двое полицейских под вспышками многочисленных фотокамер вели под локти темноволосого мужчину. Он наклонил голову, лицо не удавалось разглядеть. Только ворот-

ник зеленой рубашки-поло.

– Что это там в новостях? – удивилась я.

Сергей взял пульт со стола и прибавил звук.

– Сегодня полиция, – заговорил уверенный женский голос за кадром, – арестовала владельца сети подпольных казино, который добровольно признался в том, что застрелил из собственного пистолета нашего всемирно известного соотечественника, лауреата Нобелевской премии за вклад в науку, Андрея Соловьева. Соловьев был известен, как реформатор и разработчик уникальной программы, не имеющей аналогов в мире, под условным названием «Синий код»...

Что-то со звоном разлетелось у моих ног, и я с опозданием поняла, что выронила кружку.

– Ты не обожглась? – муж присел, с беспокойством провел ладонями по моим лодыжкам. – Стой, а то еще наступишь и поранишься.

Пока я приходила в себя от шока, он принес веник и тряпку и стал деловито наводить порядок. Выпуск новостей уже закончился, включили фильм, но я не могла отделаться от ощущения нереальности происходящего. Так бывает, когда общаешься с человеком, а потом вдруг резко узнаешь, что его не стало. И не просто не стало – его убил какой-то бандит! Владелец подпольного казино! Да что вообще могло связывать таких разных людей?!

А вот меня с Андреем Викторовичем связывало многое...

В две тысячи шестнадцатом году правительство запусти-

ло в массы новейшую научную разработку «Синий код». Я запомнила тот день на всю жизнь. Старт программы застал меня в университетской столовой, где мы с одноклассниками перекусывали на скорую руку в небольшом промежутке между занятиями.

Старенький телевизор в углу помещения, показывал какую-то мыльную оперу для домохозяек, но вдруг сменил картинку с рыдающей от счастья героиней на ярко-синий экран. В тот же миг из динамиков раздался невыносимый хрип и скрежет. Мне показалось, что в голове взорвалась водородная бомба. Сметая со стола посуду и остатки еды, я упала на четвереньки, забрызгивая пол кровью. Она текла из ушей, носа и горла. Помню, что ужасно боялась захлебнуться. В мозгу билась лишь одна мысль – я умираю. Мои друзья вскочили с мест и застыли в шоке. Никто больше во всем университете не почувствовал того, что испытала я. Они не понимали, что со мной творится, и боялись подойти.

Так весь мир узнал о существовании перцепторов.

По всей стране нас – тех, у кого сочетание звукового и светового воздействия вызвало очевидную реакцию – набралось около двух десятков. Позже проводили вторую волну и третью, но вычисляли еще меньше. До сих пор наука не смогла найти какой-то алгоритм появления перцепторов среди обычных людей. Наши родители не обладали подобным умением, поэтому о наследственности не шло и речи. Возможно, свойство все-таки передавалось генетически, но через мно-

гие поколения. А возможно, определялось индивидуальными мутациями плода во время беременности.

Но тогда, в ту первую волну, мне было страшно. Очень. Узнав о происшествии, кто-то из администрации университета куда-то позвонил – и за мной вместо «Скорой» приехала тонированная машина без опознавательных знаков. Одногоруппники сторонились, как чумную, пока два человека в военной форме увели меня под руки и посадили в автомобиль. Я не успела даже позвонить родным.

Потом была научная лаборатория, где меня, напуганную и дрожащую, встретил человек с широкой жизнерадостной улыбкой. Мы называли его по имени-отчеству, хотя ему совсем недавно стукнуло тридцать пять и, казалось, такое официальное обращение его даже смущает. Андрей Викторович носил смешные круглые очки, рыжие волосы и бородку, белый халат с навязчивым запахом камфоры, а неизменная улыбка всюду сопровождала каждое действие.

Об учебе пришлось забыть. Моим родителям объяснили, что передо мной теперь лежит гораздо более перспективное будущее, и моя задача – получить те знания, которые даст Соловьев, а не какое-то учебное заведение. Мама-библиотекарь и папа-столяр – люди старой закалки – только переглянулись и пожали плечами: «Надо так надо». Никто тогда не понимал, что происходит и к чему все приведет.

Чуть позже в моей жизни появился Сергей. Его выявили во второй волне, привезли к нам с самого Урала. Тогда

уже стало заметно, что не все перцепторы показывают одинаковый уровень. Кто-то оказался сильнее, кто-то – наоборот. Мне легко давались все практические занятия. Достаточно просто я научилась устанавливать контакт и уже перешла к изучению архитектурного конструирования виртуальной реальности для объекта. Это считалось очень сложным предметом. Помню, как бесконечно гуляла по городу и трогала все, что попадалось под руку. Шершавые стены. Гладкие поручни перил. Холодную плитку тротуара. Мягкую шерсть кошек. Нагретые солнцем спинки деревянных скамеек. Изучала тактильные ощущения. Раньше и в голову не приходило обращать внимание, но теперь для меня это стало одним из аспектов работы.

Чтобы создавать то, чего нет, надо сначала изучить то, что существует.

Сергею приходилось нелегко. Его сил не хватало, чтобы удержать контакт более чем на пять минут. Он злился, нервничал, краснел. Даже в сердцах уходил прочь с занятий, несмотря на то, что Андрей Викторович всегда был терпеливым и понимающим с каждым из нас.

Так мы с Сережей и сблизились. В какой-то момент я решила ему помочь. Мы начали работать в паре, со мной у него получалось. Из-за усиленных занятий в лаборатории ни у кого из перцепторов не оставалось времени на личную жизнь, и однажды мы с Сергеем обнаружили, что личную жизнь можно строить... в своих фантазиях.

Наверно, мы были первыми, кто открыл виртуальный секс с перцептором.

В таком сумасшедшем темпе пролетели несколько лет. Словно щелкнули выключателем – и я опомнилась под вспышками фотокамер, в ряду еще нескольких таких же счастливиц, облаченных в одинаковую темно-синюю форму. Андрей Викторович что-то долго и взволнованно говорил сразу в несколько микрофонов. Сергей аплодировал мне из толпы: для пресс-конференции выставили только лучших представителей экспериментальной группы.

Внезапно я осознала, что передо мной открыты все дороги. Из неведомой зверюшки, странно отреагировавшей на шум из телевизора, я превратилась в высококлассного специалиста-универсала. Таких, как я, готовы были оторвать с руками сотни заинтересованных лиц.

Кого-то завербовала ФСБ. Мне выпала дорога в судебные эксперты. Те, кто не вошел в список лучших, нашли свое место в эротическом бизнесе – для этого не требовалось больших умений. Сергей перебивался случайными заработками, но четко дал понять, что никуда меня не отпустит.

После первого года самостоятельной работы я купила родителям шикарную квартиру. Еще через полгода – мы с теперь уже мужем тоже обзавелись жильем. Обновили машины. Свое двадцатипятилетие я встретила очень уважаемым человеком, один час работы которого стоил очень и очень дорого. Я могла уже диктовать условия и качать права, и ко

мне прислушивались.

Стоит ли говорить, что Соловьев навсегда остался для всей моей семьи кем-то вроде божественного благодетеля? Что бы ждало меня, не создай он в свое время программу «Синий код»?!

Я, наконец, отвлеклась от воспоминаний и посмотрела на Сергея, который заканчивал вытирать темно-коричневую кофейную лужицу.

– Ты как-то странно спокоен.

Он вскинул голову, на лице отразилась растерянность.

– Ты совсем не расстроен из-за Андрея Викторовича? – спросила я, уже примерно догадываясь, каков будет ответ.

Сергей оставил в покое тряпку, выпрямился.

– Я знал еще вчера, маська.

– Что?!

– Послушай, ну ты же с головой ушла в работу, отключила телефон, – муж говорил торопливо, словно боялся, что разозлюсь. – Потом пришла поздно, уставшая. Мне знакомые позвонили, сказали. Но если бы я сразу вывалил на тебя, ты вообще бы глаз не сомкнула.

Он обнял меня, заставил прижаться щекой к груди и погладил по голове.

– Конечно я тоже огорчился, маська.

Вопреки словам, в голосе мужа не проявилось ни капли сожаления. Я только вздохнула. Если уж по справедливости, то чего требовать от Сергея? Не добившись успеха, он во-

обще перестал хоть как-то участвовать в программе «Синий код». Делал сеансы только со мной и только ради нашего общего удовольствия. Соловьев значил для него не больше, чем сосед по лестничной клетке.

– Зачем надо было убивать Андрея Викторовича? – все же пожаловалась я. – Ума не приложу. Он не делал никому ничего плохого.

– У тебя есть шанс это выяснить, – Сергей усадил меня на стул, а сам быстро завершил уборку и подошел к раковине, чтобы вымыть руки.

– Каким образом? – фыркнула я.

– Семья того человека ищет перцептора для участия в рассмотрении дела. И обещает неплохие деньги за психодиагностическое освидетельствование.

– Откуда ты знаешь? – насторожилась я.

Сергей выключил воду, повернулся и неторопливо сложил руки на груди.

– Его адвокат звонила вчера.

– Мне?!

– Сюда. К нам домой. Твой телефон ведь был выключен, помнишь?

– Откуда они узнали номер?

Муж пожал плечами.

– Наверно, кто-то из твоих бывших клиентов поделился?

Я не стала спорить. Такое вполне могло быть. Внезапно Сергей сделал пару шагов, опустился передо мной на коле-

ни и взял мои руки в свои. В последний раз я видела его в таком умоляющем виде в тот день, когда он делал мне предложение.

– Они заплатят еще больше, если ты убедишься, что чувак арестован по ошибке.

– Что?! – от возмущения я попыталась выдернуть руки, но муж вцепился мертвой хваткой и даже скрипнул зубами, удерживая их.

– Послушай, маська. Послушай! Мы могли бы купить дом. Целый дом! Ты же хотела дом, а? Там будет два этажа и гараж... – он подумал и добавил: – И детская. Все как мы мечтали, помнишь?

– Мы накопим и купим такой дом, но не на деньги убийцы близкого мне человека! – прошипела я. – Он признался! Что тут еще выяснять?!

– Накопим, – с жаром подхватил Сергей, – но за какой срок? А тут всего одно дело – и наша мечта исполнится. Мы заведем ребенка, станем настоящей семьей. Ты узнаешь, почему он убил Соловьева. А если оправдаешь парня... – глаза у мужа загорелись, и он тряхнул головой: – Черт, да мы сможем путешествовать по миру целый год! Это будет великолепно! Я увезу тебя в Индию, покажу Китай, мы встретим рассвет на побережье Слоновой Кости!

Я смотрела в лицо человека, с которым была неразлучна последние несколько лет, и совсем не узнавала его. Черты озарились почти безумной радостью.

– Сережа! Этот бандит убил Андрея Викторовича!

Но муж не хотел слушать никаких аргументов.

– Мертвым уже все равно. А живым – нет. Вдумайся в цифру. Просто представь, какая это куча денег.

Я все-таки отобрала руки и сцепила пальцы в замок.

– Куча денег – это если я докажу его невиновность. А как я смогу это сделать, если он на самом деле убил?

В глазах Сергея зажглись хитрые огоньки.

– Ты можешь сконструировать сцену преступления. Обратить нападение в самооборону.

– Ты предлагаешь мне подделать сцену преступления?! – я не сдержалась и повысила голос. – Как?! Куратор поймет, что это не воспоминание, а фантазия, когда я передам визуальный образ для просмотра!

Муж фыркнул, а потом и рассмеялся.

– Поймет? Ты идеально конструируешь! Сегодня в той гостинице... да я даже чувствовал холодок от кондиционера, который был направлен в нашу сторону! Как тут можно понять?

– Вызовут кого-то из наших. Из десятки лучших. В качестве контрольного эксперта. Это же преступление государственной важности! Такая потеря для науки!

– Не смейся, маська. С твоей репутацией? Твоим словам поверят в ту же секунду, как ты их произнесешь! Никому и в голову не придет усомниться. Ты тоже не последний человек в науке.

Я вскочила на ноги и принялась мерить шагами кухню.

– Именно потому, что дорожу репутацией, я ничего не собираюсь подделывать!

– Ну ладно, – не сдавался Сергей. – Просто выясни, за что убили Соловьева. Разве это не принесет тебе удовлетворение? Ты узнаешь мотивы убийцы. Мы купим дом. Это тоже неплохо.

– Если ты так хочешь этот дом, бери и занимайся этим делом сам! – выпалила я и тут же прикусила язык, но поздно: муж дернулся как от удара.

– Думаешь, я бы не занялся, если бы мог? – тихо и как-то обреченно произнес он и опустился на стул, разом потеряв весь запал и желание меня уговаривать.

– Сереж, прости... – теперь уже я присела перед ним и попыталась встретиться взглядом.

Муж отводил глаза и выглядел побитой собакой.

– Сереж, ну я не хотела напоминать... ну пожалуйста, не обижайся...

Наконец, он посмотрел на меня.

– Ты – сильная, маська. Я навсегда лишь твой оруженосец. Думаешь, мне весело от этого? Тысячу раз я хотел заняться работой вместо тебя. Но у тебя получается лучше. Всегда получалось. А за дело прошу взяться лишь потому, что уверен – ты сможешь.

Что-то в моей груди больно сжалось в комок от его надтреснутого голоса.

И я неохотно кивнула.

2

В день первого сеанса я пришла пораньше, чтобы настроиться и понаблюдать, как готовят помещение медблока, выделенного мне для работы. К стойке с подголовником подкатили аппараты, контролирующие показатели жизнедеятельности организма, и реанимационный набор. Одна из медсестер, на вид немногим старше меня, вдруг оставила занятие и подошла, не смея поднять глаза, чтобы взглянуть прямо.

– Вы ведь Анита? – зазвучал робкий голосок.

– Да.

Ее круглое лицо озарилось радостью узнавания.

– Я хотела только сказать... для меня честь работать с вами... это такой опыт...

– Я не врач. И мало что понимаю в медицине, – оборвала я ее.

– Тем не менее... может, вы уделите мне время? Потом? Знаете, мой дедушка... он умер два месяца назад... и мне хотелось бы с ним поговорить...

Она, наконец, подняла глаза, полные надежды. Я с трудом удержалась, чтобы не поморщиться. Прошло столько лет с момента старта «Синего кода», а среди обывателей по-прежнему какие только слухи не ходили о том, на что способны перцепторы.

Приказав себе быть дружелюбной, я потрепала ее по ру-

каву белого халата.

– Я не экстрасенс. И не могу вызывать духов мертвых.

Щеки девушки заметно покраснели.

– Это я знаю, но... дедушка воспитал меня. Я хотела бы просто повидаться с ним еще раз...

– Вы можете посмотреть на его фотографию.

– Это будет не то, как вы не понимаете! Я хочу обнять его!

Вы же сможете сделать так, чтобы я его обняла?

Я подавила тяжелый вздох.

– Я могу воссоздать его образ. Но это будут ваши воспоминания. Ничего нового не произойдет. Он не скажет вам то, чего вы никогда от него не слышали прежде.

– Пусть так! – она едва ли не ногой топнула.

– Софья! Почему болтаем вместо того, чтобы работать? – рядом с нами появился Васильев, главврач тюремного медблока. Дородный мужчина с двойным подбородком, он напоминал ходячую гору. Медсестра юркнула прочь, а врач повернулся ко мне. – Простите. Что-то персонал совсем отбился.

– Ничего, – слабо улыбнулась я. – Я привыкла. Как ваша внучка?

С Васильевым мы уже работали раньше над некоторыми делами, и это позволяло общаться на почти дружеской ноте.

– Пошла уже, егоза, – хмыкнул тот. – Фотку как-нибудь дам посмотреть. Что-то еще нужно?

Он кивком показал в сторону оборудования. Я обвела

взглядом помещение с несколькими кушетками и прямоугольным забранным решеткой окошком. Персонал вытянулся по струнке, показывая, что готов приступить.

– Спасибо. Все идеально, – поблагодарила я главврача.

– Тогда заводим, – он выглянул в коридор и подал кому-то знак.

Я невольно отступила к стене и тут же разозлилась на себя за слабость. Почему не могу подавить реакцию на появление убийцы? Это он должен меня бояться! Он! А не я.

Под охраной ввели Макса, и довольно просторная прохладная комната стала вдруг тесной и жаркой, как Ад. Мой будущий объект смотрел прямо перед собой, на губах играла легкая ухмылка. В профиль этот засранец был не менее красивым, чем в анфас. Я скрипнула зубами.

Проходя мимо, Макс совсем чуть-чуть переместил взгляд. Казалось, что он просто смотрит немного в сторону, и, пожалуй, только я единственная из всех почувствовала: боковым зрением он ищет меня. Слишком гордый, чтобы открыто продемонстрировать интерес и повернуть голову. Сложная натура.

Следом вошла Вронская. Заметив, что адвокат с нескрываемым любопытством оглядывается, я подошла и поздоровалась.

– Наверно, мне нужно кое-что объяснить, – я показала на Макса, которого мягкими кожаными ремнями пристегивали к стойке так, как пристегивают буйных больных. Плечи, за-

пьястья, бедра, щиколотки. Удерживающий поперечный ремень через живот. И еще один – на лоб. Смотреть на связанного до неподвижного состояния убийцу мне неожиданно понравилось.

– Есть угроза жизни, я так понимаю? – обеспокоилась Вронская, разглядывая реанимационный набор.

– Это простая предусмотрительность, – тут же заверила ее я. – Так как мы имеем дело с вмешательством в работу мозга, у некоторых объектов случаются эпилептические припадки или инсульты. Даже изучив заранее медкарту, невозможно предугадать, как пойдет дело. Поэтому мы обязаны иметь под рукой все необходимое.

Мой ответ, похоже, удовлетворил адвоката, и она кивнула.

– Сколько сеансов потребуется?

Я пожала плечами.

– Единой схемы нет. Все зависит от того, будет ли объект сопротивляться вторжению в свою голову или решит сотрудничать. В любом случае, я не доберусь до воспоминаний, пока его подсознание не перестанет воспринимать меня, как вторженца. А для этого потребуется минимум пара сеансов. Мы начнем с простых фантазий на отвлеченные темы, чтобы привыкнуть друг к другу.

– И что будет, когда вы доберетесь до воспоминаний?

Я повернулась в сторону Макса и тут же пожалела об этом. Одежду на его мощной груди расстегнули, на резко обозначившиеся мышцы груди наклеивали датчики. Сам он пе-

рехватил мой взгляд и ухмыльнулся. Я резко отвернулась. Смотреть на бледное лицо адвоката было куда спокойнее.

– Я увижу то, что произошло, его глазами. Потом через специальную программу передам картинку в электронный файл. Ее можно будет запустить на любом мониторе и посмотреть любому желающему.

– В суде это должны принять, как достоверное и допустимое доказательство, – напомнила Вронская.

Подобные скептические замечания мне доводилось слышать уже много раз, поэтому я лишь растянула губы в снисходительной улыбке.

– Подумайте сами. Как собирают доказательства? Патологоанатом изучает тело. Следователь – улики на месте преступления. Но как они приходят к выводу? Только через свои *догадки*. Мне не требуется строить догадки. Я получаю доступ к событиям от первого лица.

– А если возникнут сомнения, что это именно воспоминание, а не фантазия? – продолжала въедливая старуха.

– Поверьте, я пойму. Существуют неоспоримые признаки. Фантазия создается совместно. Мозг объекта рождает идею, мой мозг ее подхватывает и воплощает. Я – строитель, который возводит здание по чужому эскизу, чтобы вам было более понятно. Только на самом деле это не здание, а кусочек воображаемой реальности, которую не так-то просто отличить от настоящей. И вся эта выдумка создается за доли секунды. Но даже находясь в ней, ее можно менять. Сносить

стены, сажать деревья.

Вронская приподняла бровь.

– Если же мы в воспоминаниях, – продолжила я, – то мозг объекта все равно воспринимает происходящее, как свершившееся событие. Оно пройдет своим чередом, как фильм. Я не смогу разбить стекло, если оно не разбивалось тогда в прошлом. Не сумею даже оставить отпечатка пальца на зеркале. Вот вам и признак.

На секунду показалось, что мне удалось привести неопровержимый аргумент, но адвокат все равно наморщила лоб.

– Но опять же, если вы увидите все глазами участника событий, то как быть с полноценной картинкой? Он же смотрел только вперед, когда стрелял. А что происходило по бокам? Вдруг на месте преступления находился кто-то еще и сделал выстрел одновременно с ним? Как вы разбираетесь в таких случаях?

– Боковое зрение. Наши глаза получают основную информацию прямым взглядом. Но одновременно с этим мы имеем более широкий угол обзора, только обрабатываем его подсознательно. Поверьте, того, что записалось на подкорке, не сможет осознать мой объект. Но я – смогу. Мой мозг вытащит это, сложит в единую картинку, словно склеит черепки разбитой вазы. И представит вам.

– Удачи, Анита, – кивнула, наконец, Вронская с холодной вежливой улыбкой на сухих тонких губах.

– Пожелайте удачи не мне, а ему, – фыркнула я, указав на

ее подзащитного.

Глаза женщины иронично блеснули.

– В нем я уверена.

Мне бы такую уверенность. В себе. И в том, что я делаю правильный шаг.

Нацепив каменное выражение лица, я повернулась к Макс-у. Со скучающим видом он подждал меня в окружении ремней и проводов. Я приблизилась. Мне предстояло установить с ним физический контакт. Проще говоря – взять за руки. Но когда пальцы оказались совсем близко от его ладоней, я поняла, что не могу. Не могу пересилить себя и коснуться рук этого мужчины. Нас разделяло ничтожное расстояние, я могла разглядеть каждый крохотный волосок на его груди, чувствовала, что он смотрит прямо мне в лицо и изучает его с затаенным дыханием. Но что-то все равно удерживало и отталкивало от последнего шага.

Так длилось какое-то время. Все в молчании ожидали, что будет. А я тянула время и не могла.

Неожиданно Макс дернулся так, что затрещали кожаные ремни, а в следующую секунду мои пальцы оказались до боли стиснуты в его хватке.

– Давай, Синий Код, – прошипел он мне в лицо, обдавая горячим дыханием, – начинай уже свою экзекуцию.

И тут я словно прозрела. Подняла голову и встретила взглядом с его глазами цвета крепкого кофе. Мысли прояснились, ступор ушел.

– Тебе страшно! – негромко воскликнула я. – Ты боишься!

– Да хрен тебе, – грубо бросил он и выпятил нижнюю челюсть.

Но меня уже было не обмануть.

– Ты не можешь контролировать ситуацию. Не знаешь, что будет. И поэтому боишься!

Я едва не рассмеялась. Приятно осознавать слабости противника. И когда он боится, то ты – уже нет. Осмелев, я закрыла глаза и позволила сознанию раствориться в сознании Макса.

Сеанс первый.

Состояние перцептора: стабильное.

Состояние объекта: стабильное.

Характер действий: моделирование.

После легкого дискомфорта, связанного с внедрением в неподготовленное сознание другого человека, открываю глаза и обнаруживаю себя в комнате обычного «панельного» дома. Места тут немного, как раз для кровати и письменного стола. Окно выбито, осколки торчат по краям рамы, как зубы в акульей пасти. Вытягиваю шею и вижу густо заросший травой двор, ржавые детские качели и темные провалы окон в безжизненном доме напротив.

Ярко светит солнце. Жарко. И тишина.

Переступаю с ноги на ногу, изучаю старую мебель, засы-

панную осколками стекла и мусором. Что-то неуловимо знакомое чудится здесь, но не могу разобраться в ощущениях. Замечаю, что с улицы не доносится никаких звуков. Ни привычного шума автомобильных моторов, ни щебета птиц.

– Макс?

Из соседней комнаты слышится слабый шорох. Иду туда. Макс должен быть рядом, куда он мог деться? Обычно люди боятся, попадая в виртуальную реальность, и жмутся к единственному знакомому человеку – перцептору. Так работает инстинкт самосохранения, когда объект обнаруживает себя резко вырванным из настоящего.

Но Макса нигде нет.

Блуждаю по странной квартире, словно побывавшей во власти урагана. Вещи разворочены, мебель разбита. Не обнаружив ни одной живой души, толкаю входную дверь и спускаюсь по лестнице вниз. Замираю на пороге, не решаясь выйти на улицу.

А чувство юмора у моего объекта еще то. Вокруг – чертова постапокалиптика, и я уже ни капли не сомневаюсь, что Макс каким-то образом нафантазировал себе ее.

Бетонный козырек подъезда обрушился, огромные глыбы валяются, затрудняя выход. Сквозь них пробиваются ростки. Все выглядит очень заброшенным. Кое-как выбираюсь наружу, под палящее летнее солнце. Точно. Этот город оставили много лет назад. Нет бродячих собак или кошек, а мусор в контейнерах, похоже, давно сгнил.

– Макс, выходи! Расскажи мне, что все это значит?

Мой голос кажется незнакомым и слегка напуганным. Он отражается от мертвых стен мертвого города, теряется между бетонных пластов.

Снова шорох.

Я выхожу на открытое пространство между домами. У перевернутого на бок автомобиля ржавое днище, и за ним кто-то шевелится.

– Макс? Что за детский сад?!

Из укрытия появляется грязная рука, с которой свисают лохмотья не менее перепачканной одежды. Затем – нога. Существо передвигается на четвереньках, но, увидев меня, медленно выпрямляется и превращается в «человека прямоходящего». Это точно не Макс – понимаю по телосложению. Из-за трансформаторной будки выползает его брат. Напрягаюсь. Все здесь – порождение сознания моего объекта, а я – чужеродный организм. Все живые существа воспринимают меня, как угрозу, и будут готовы атаковать при малейшей возможности. Несколько первых сеансов всегда так.

Откидываю в сторону руку и ощущаю в пальцах знакомую тяжесть пистолета. Что ж, конструировать можно не только экстерьер, но и оружие. Навожу прицел на приближающееся немытое существо, но они лезут, как тараканы из коробки с печеньем. Насчитываю трех... шестерых...

Один подбирается совсем близко, и внезапно я узнаю это лицо с небесно-голубыми глазами и чуть вздернутым кверху

носом.

– Тимур?

Поворачиваю голову и точно так же узнаю второго.

– Матвей?

Это не просто фантомы больного воображения ублюдочного Макса. Это – перцепторы, моя команда. Десятка лучших, с которыми мы прошли столько лет обучения. С этими людьми я ела, пила и жила в замкнутом пространстве очень долгое время. Но теперь они... нелюди.

Макс просто поиздевался надо мной. Притворился напуганным, а сам зашвырнул в извращенную фантазию. Откуда он узнал, как выглядят мои знакомые? Увидел в том репортаже с пресс-конференции, когда мы стояли бок о бок? Или припомнил, что читал статью в одной из газет, куда разлетелись снимки? Как бы то ни было, он подготовился, а я оказалась слишком беспечной, воспринимая его наравне с далекими от программы «Синий Код» людьми.

Мысли лихорадочно проносятся в голове за какие-то три-четыре секунды, но выстрелить я все равно не успеваю. Ближайшее существо бросается на меня. От удара о землю на мгновение темнеет в глазах и вышибает дух. Да, здесь все по-настоящему, и боль – тоже. Десятки пальцев щиплют и мнут меня. Склонившиеся обезумевшие лица застилают белый свет. Они хотят разорвать меня! Просто растерзать на кусочки голыми руками! Одежда трещит по швам. Пистолет куда-то выпадает. Я начинаю отчаянно бороться, бью без

разбора по лицам, плечам, но все напрасно. Пытаюсь найти хоть что-то для защиты, хотя бы схватить камень с земли, но пальцы соскальзывают. Чудовища все плотнее смыкаются.

В единственном оставшемся просвете я вижу торчащий вверх обломок того самого бетонного козырька. Из-за края показывается Макс. Он поднимается на вершину, как победитель – на свой трон, и спокойно наблюдает за представлением.

– Ублюдок! – кричу я во всю мощь легких, пока кровь из разбитой губы заливает мне рот. – Прекрати это!

– Прекрати лезть в мою голову, Синий Код! – слышится ответ.

– Нет! Нет, мать твою! – я ощущаю чьи-то зубы, которые впиваются в мочку моего уха, и просто по-звериному рычу от боли и ярости.

Даже если меня растерзают сейчас, я не умру. Нас вышвырнет из сеанса, и мне опять будут сниться кошмары несколько ночей подряд, но все-таки этому гаду глупо надеяться, что первая же атака меня отпугнет. Поэтому я отчаянно кусаюсь, царапаюсь, борюсь с тупой болью во всем теле.

Но не сдаюсь.

– Прекрати, Синий Код! – снова взывает Макс.

– Это ты прекрати! – мне настолько больно, что слезы брызжут из глаз. Я уже на грани того, чтобы добровольно выйти из сеанса, и лишь из чистого упрямства и ненависти к красивому самодовольному выродку продолжаю держаться.

Но боль побеждает, и я вою: – Подумай о чем-нибудь другом! Пожалуйста!

Все тело дрожит от напряжения. Я стою на четвереньках и еще стискиваю в скрюченных пальцах что-то мягкое. Открываю глаза и натыкаюсь взглядом на белоснежное ковровое покрытие с длинным ворсом. Вот это уже больше походит на фантазии нормальных людей. Тех людей, которые подсознательно стараются представить пасторальную картинку или уютное кресло возле камина, когда их просят подумать о чем-либо нейтральном.

На всякий случай быстро оглядываюсь по сторонам: атаковать меня уже никто не собирается. Это просто комната. Чья-то спальня. Дорогая мебель. Пытаюсь отдышаться и успокоиться. Над широкой кроватью – картина с изображением скачущей галопом лошади. Макс, заложив руки за голову, покоится на подушках. Вид портит лишь прежняя казенная одежда, но тут ничего не поделать: его образ в моем подсознании запечатлен именно таким. «Породистый жеребец», – сразу приходит мне в голову. По лицу видно, что он очень доволен собой.

Макс поднимается, и я с легким трепетом отмечаю, что впервые вижу его не со скованными руками. Сейчас он полностью свободен, и это заставляет слегка отпрянуть. Макс присаживается на корточки рядом со мной, проводит рукой по волосам. Жест скупой ласки. Так треплют по загривку лю-

бимую сучку, которая принесла мяч. Я смотрю в его лицо и даже не пытаюсь скрыть эмоции, которые бушуют внутри.

– Доволен своей выходкой?

Чувственные губы мужчины мягко растягиваются в улыбке.

– Да. А ты?

Я фыркаю и качаю головой. Лучше не отвечать на провокацию.

– Где это мы?

– Я подумал, что достаточно поухаживал за девушкой, и теперь пора пригласить ее к себе домой, – голос Макса сочится издевкой.

Я мгновенно забываю о недавнем нападении. Сажусь на пятки и оглядываюсь уже по-другому, более внимательно. Стараюсь подмечать детали. Значит, это его дом. Редкая удача! Гораздо полезнее оказаться здесь, чем на зеленом лугу или у берега моря. Макс рвет все шаблоны. То пугает меня, то подпускает неожиданно близко. Но анализировать информацию я буду позже. Пока что моя задача – наблюдать.

– Значит, это твоя спальня?

– Ага, – продолжая излучать благодушие, Макс вытирает что-то большим пальцем из уголка моего рта.

Я не успеваю отреагировать, а он уже засовывает подушечку себе в рот и облизывает. Смутно припоминаю, где и чем могла испачкаться. Разве что во время атаки тех существ...

– Это моя кровь! – вспыхиваю я.

Макс не считает нужным спорить, его глаза горят, как у ребенка, запущенного в магазин игрушек, но я смотрю лишь на его губы, обхватившие палец. Внутри все резко скручивает от медленного посасывающего движения. Он делает это так, что мне начинает казаться: не игра ли это моего собственного воображения? Не потеряла ли я ту грань, за которой заканчивается моделирование из головы объекта, и начинаются мои собственные фантазии? Не фантазирую ли я сейчас для себя?

От этих мыслей поеживаюсь. Впервые за долгое время с момента выпуска что-то выходит из-под моего контроля. Впервые я не чувствую, что управляю ситуацией так, как должна. Но никак не удастся понять почему. Возможно, это понимание придет позже. В другой ситуации я бы просто позвонила своему наставнику и обсудила проблему, но Соловьев мертв. Как ни странно, именно эта мысль отрезвляет и заставляет встряхнуться и прекратить пялиться на Макса, как на праздничный торт.

– Ты, правда, поранилась? На вкус кровь очень даже настоящая, – прищелкивает он языком.

– Здесь все настоящее, если ты еще не понял, – отвечаю я и позволяю себе маленькую слабость: закатываю глаза, показывая предубеждение.

Зря волновалась. Все идет по плану. Макс явно и успешно перешел на вторую стадию адаптации, которую мы в лабора-

тории между собой называли: «а так можно?». Объект понимает, что окружающая обстановка не несет угрозы, свыкается с пребыванием в виртуальном мире, как две капли воды похожем на настоящий, и, естественно, начинает его исследовать. Он – как первооткрыватель, заплывший к незнакомым берегам. Ему все интересно и все нужно опробовать, чтобы понять, каковы допустимые границы.

Моя задача – не ограничивать эти порывы.

– Ты можешь убедиться сам, – пожимаю я плечами, – если у тебя есть тайник, проверь, что там лежит.

Он недоверчиво усмехается. В ответ остаюсь абсолютно серьезной. Мы у него дома! Я готова пойти на любую хитрость, чтобы узнать всю подноготную. Раз уж мне выпала такая удача.

Макс смотрит на меня долгим взглядом. Потом поднимается на ноги, возвышаясь надо мной. Я по-прежнему остаюсь перед ним на коленях, всем видом подтверждая свою пассивную роль в происходящем. Он делает шаг назад. Очень несмелый шаг. Проверяет меня. Ждет, когда рассмеюсь и сообщу, что пошутила. Что понятия не имею, какие там секреты он прячет.

Но ты ошибаешься, милый. Я не блефую. Твои секреты уже смоделированы и находятся там, где знаешь только ты. Я понятия не имею, что это и где оно. Но оно там есть.

Словно переступив черту недоверия, Макс резко поворачивается, подходит к кровати. Сдвигает в сторону картину.

Мысленно ставлю себе плюстик, когда вижу вмонтированную в стену железную дверцу сейфа. Похоже, Макс еще сомневается, потому что, не таясь от меня, набирает код. Или просто не считает нужным?

Дверца распаивается. Я чувствую, как усиленно мой объект старается не показывать удивления. На темно-красное покрывало кровати падает пистолет.

– Ты держишь над кроватью оружие? – удивляюсь я, хотя, по сути, тут нечему удивляться.

– А что ты ожидала увидеть? – фыркает Макс. – Сушеные скальпы моих врагов?

Я качаю головой. Разочарована. Да, я ожидала чего-то... менее банального.

Внезапно Макс подбирает пистолет и направляет его на меня.

– Что будет, если я спущу в тебя обойму, Синий Код? – с любопытством интересуется он.

Я одариваю его скептическим взглядом. По лицу же видно: дразнит, играет. Не собирается стрелять по-настоящему. Вот когда меня терзали нелюди – вот тогда все было по-другому. А сейчас мой объект развлекается.

– Ты можешь меня убить, и мне будет больно. Но всего лишь прервешь сеанс. Завтра я вернусь, очень злая, и устрою тебе за это адскую жаровню, – отвечаю я без тени улыбки.

– А если я сделаю так? – он приставляет пистолет к виску. Тут все еще проще.

– Ты не можешь себя убить.

– Не могу?

– Нет. Я работаю с твоим подсознанием, а в подсознании каждого человека заложен мощный инстинкт самосохранения. Ты не сможешь сломать шаблон, навязанный природой, и причинить самому себе вред.

– А как же самоубийцы?

– В реальности? Там мы действуем сознательно, заглушая голос инстинкта. Это другое.

Едва успеваю договорить, как Макс нажимает на спусковой крючок. Раздается сухой щелчок – и ничего. Я чувствую, что мои ноги затекли, и меняю позу, усаживаясь поудобнее. Это представление может затянуться надолго.

Макс недоверчиво крутит в руках пистолет, разбирает его, проверяет обойму. Направляет на стену. От неожиданности вскрикиваю и зажимаю уши руками. Крохотный взрыв разрывает обои и оставляет небольшую дырку под ними. Макс снова приставляет оружие к себе. И снова осечка.

– Охренеть...

– Ты наигрался?

Он отбрасывает пистолет в сторону и направляется к платяному шкафу-купе.

– А разве мы здесь не для того, чтобы поиграть, Синий Код?

Макс сдвигает в сторону дверь и изучает содержимое. Со своего места я вижу рукава отглаженных рубашек, аккуратно

развешанных в ряд. Интересно, кто занимается его одеждой? Он ведь не женат. То есть, уже не женат.

– Вообще-то, для того, чтобы привыкнуть друг к другу. Но если ты за свои тридцать два года не наигрался...

Воздух резко заканчивается в моей груди, и фраза обрывается на полуслове, потому что Макс, как оказалось, уже успел расправиться с пуговицами на одежде и одним движением скидывает ее с плеч. Стоя ко мне спиной, вытягивает руки из рукавов. Лопатки обозначаются, трицепсы играют под кожей. Я не дышу. Я не могу вспомнить, о чем мы говорили. Он не должен быть таким... таким вышибающим дух, как столкновение с груженым трейлером, который несется с горки на полном ходу.

Макс, тем временем, спускает одежду по бедрам, до колен, вытаскивает ноги из штанин. Снимает трусы. Вид его обнаженных ягодиц заставляет мои щеки гореть. У него, вообще, есть хоть какое-то понятие о приличиях или стыде? Или он к каждой малознакомой женщине предпочитает поворачиваться голым задом?

– Привыкаешь? – вполоборота спрашивает Макс.

Я тут же зажмуриваюсь до боли в глазах.

– Что?

– Привыкаешь уже, Синий Код? Все успела рассмотреть?

– Я... я не смотрела! – на языке так и вертятся многочисленные нелестные эпитеты в адрес этого засранца, чей смех разносится по комнате.

– Точно? Потому что теперь я повернулся к тебе своей лучшей стороной.

Закрываю лицо руками. Чтобы уж наверняка.

– Ты что, никогда не видела голого мужчину?

Издевается, сволочь такая. Наслаждается игрой.

– Я замужем! – рывкаю самым грозным голосом из всех возможных.

– М-м-м, – судя по интонации, он не удивлен. И даже не разочарован. Скорее, получил тот ответ, которого и ожидал. И от этого ему скучно.

Шорох одежды прекращается. Выжидаю еще какое-то время и осторожно приоткрываю глаза. Макс, действительно, стоит лицом ко мне. К счастью, он уже одет в джинсы и светло-голубую рубашку-поло с короткими рукавами. Ему удивительно идет его одежда. Без тюремного облачения он смотрится совсем по-другому. И в глазах уже другое выражение. Мне снова не по себе.

– И как твой муж относится к тому, что ты вытворяешь с клиентами? – Макс делает шаг, и я невольно начинаю отползать назад, наблюдая, как он приближается, опускается на колени рядом.

Протягивает руку и проводит костяшками пальцев по моей щеке. Тут же отбрасываю его ладонь.

– Не клиентами, а объектами. Он понимает, что это – часть моей работы.

– Часть такой работы?

Макс начинает наклоняться. Его взгляд неотрывно исследует мои губы. В следующую секунду его голова дергается в сторону, а на щеке загорается отпечаток моей ладони. Ч-ч-черт! Это больно. Потираю руку.

— Эротических услуг не оказываю, — издаю я разъяренное шипение.

Макс приподнимает бровь, как бы говоря: «да неужели?». Рывком он поднимается на ноги, затем так же, рывком, хватая за руку и поднимает меня. Выдыхаю с облегчением: последняя черта в этапе «а так можно?» подведена. Недостаток сеансов с мужчинами в том, что меня не пытался изнасиловать на этом этапе только ленивый. Макс еще душкой оказался, отстал сразу, как схлопотал по морде. Учитывая контингент, с которым приходилось работать, иногда все складывалось хуже. Вплоть до выхода из сеанса.

Но моя радость слишком преждевременна. Молниеносным броском Макс протягивает руку и наматывает на кулак мои длинные волосы. Тянет на себя, заставляя выгнуться и сморщиться от боли. Склоняется надо мной. Обхватывает мою верхнюю губу. Его рот — влажный и горячий. Прикосновения — не грубые, но и не нежные. Он целует меня не потому, что испытывает какие-то чувства. Он ставит меня на место этим поцелуем. Я сказала ему «нет», а он доказывает, что это «да».

Пытаюсь его укусить, но Макс уворачивается и подхватывает теперь уже нижнюю губу. Ощуаю его дыхание на сво-

ем языке. Тоже влажное и горячее. Из груди поднимается волна протеста. Я бьюсь, как рыба, пойманная на крючок, но ничего не могу сделать. То есть могу, но не должна. Макс засовывает язык мне в рот. Если он так же занимается сексом, то я не понимаю, почему от него ушла жена. Хотя, стоп. Почему ушла? Может, он ее бросил? Второй вариант кажется более правдоподобным. Потому что так целуются только те, кто перепробовал в своей жизни много женщин. Верные и склонные к постоянству мужчины так не целуются.

Мой муж так не целуется.

Макс с упоением владеет мной. Я мысленно перебираю виды оружия, которым хочу его убить. За то, что он так хорош, и у меня между ног уже все тяжелеет. За то, что он пользуется моей слабостью и даже не скрывает этого.

Наконец, с негромким отзвуком поцелуя Макс отпускает меня. Мои губы горят, мое чертово тело горит, мои трусики мокрые, и я подозреваю, что они будут такими и в реальности, куда придется вернуться. Но как только давление на волосы ослабевает, я размахиваюсь и даю Максу вторую пощечину.

Он потирает место удара рукой и облизывает еще влажные губы.

– Судя по тому, что бьешь ты не сильно, я делаю вывод, что либо тебе запрещено наносить мне увечья, либо... – он делает многозначительную паузу, – ... либо тебе все понравилось, и ты хочешь еще.

– Если я врежу тебе в третий раз, ты insult в реальности схлопочешь. Выбор за тобой, – бросаю я, стараясь держаться независимо, насколько это возможно в моем состоянии.

– Но ты же не схлопотала insult там, в начале.

Он намекает на потасовку с чудовищами в начале сеанса? Я фыркаю.

– Мой мозг подготовлен, чтобы переносить боль. А твой – нет. То, что кажется тебе здесь игрой фантазии, воспринимается твоим телом намного острее, чем ты можешь подумать. Не веришь? Проверь свои трусы, когда мы выйдем из сеанса.

На секунду в глазах Макса мелькает замешательство, и я не могу удержаться от торжествующей улыбки. Все-таки мы играем на моей территории, пусть и пока по его правилам. Интересно будет взглянуть в его лицо, когда он обнаружит себя в окружении медицинского персонала с мощным стояком, а то и вовсе... с собственным семенем в штанах.

О том, как посмотрят на меня, я стараюсь не думать. Привыкла.

– Чего ты от меня хочешь, Синий Код? – вдруг тихо спрашивает Макс.

Ответ давно готов.

– Хочу узнать, почему ты убил Соловьева. Хочу увидеть все подробности.

– Нет.

Я жду, что он скажет что-то еще, попробует аргументиро-

вать отказ, но, похоже, объяснений не будет.

– Я же все равно доберусь туда.

– Это мы еще посмотрим, Синий Код.

– Хорошо. Посмотрим.

– И куда это ты собралась? – спрашивает Макс, когда я направляюсь к двери.

Его голос звучит все еще немного растерянным. Это моя маленькая победа.

– Хочу осмотреться в твоём логове. Раз уж ты так гостеприимно меня пригласил.

Чувствую себя маленькой мстительной язвой. И мне совершенно не стыдно за это.

Распахиваю дверь и выдыхаю от изумления. Замираю на пороге. Чувствую, что Макс стоит за спиной, очень близко, и не хочу ощущать его присутствие так остро, но удивление пересиливает все другие эмоции.

Я ожидала, что это будет его квартира. Да, я определенно настроилась увидеть за дверью еще одну комнату или кухню. Но бесконечно длинный коридор тянется направо от меня, а чередой окон с одной стороны освещает череду дверей с противоположной.

– Ты меня сейчас разыгрываешь? – шепчу я.

– Добро пожаловать в родовое гнездо моей семьи, – недовольным голосом ворчит Макс.

– Ты живешь... в поместье? – все-таки выхожу в коридор, делаю несколько шагов и выглядываю в окно. Мы на втором

этаже, внизу открывается просторный, усыпанный мелким гравием двор, от зеленого луга дом отгораживают плодовые деревья, на нижней ветке одного из них – веревочные качели.

– Это просто очень большой дом.

Я поворачиваюсь, Макс с нахмуренными бровями стоит, сложив руки на груди. Похоже, его всерьез беспокоят мои передвижения. Любопытство захлестывает меня с новой силой. Он что, не понимает, какой козырь вложил в мои руки?!

– Наверно, недешево стоит его содержать, – размышляю вслух, а сама начинаю двигаться в сторону выхода. Шаги скрадывает мягкий ковер.

Макс неохотно следует за мной. Предполагаю, что в глубине души ему льстит мое восхищение его жилищем, и только поэтому он позволяет мне бродить здесь.

– Могу себе позволить, – хмыкает он.

– Я слышала, твой бизнес арестовали.

– Надеюсь, ты не сдашь меня, если скажу, что не кладу все яйца в одну корзину.

На миг мы встречаемся взглядами. Он... только что признался, что имеет еще какой-то подпольный бизнес? Впрочем, мне все равно. Я здесь не для того, чтобы заставить его заполнять налоговую декларацию.

– Тогда я не понимаю, зачем тебе делать это, – качаю я головой.

– Делать что, Синий Код?

– Лишаться всего этого, – я обвожу рукой окружающую нас обстановку. – Хорошего дома, например.

– Дом оформлен на мою сестру. И перейдет к ее детям. Тут я спокоен.

– Хорошо, но как насчет части дохода от бизнеса?

– Казино давно уже не прибыльный бизнес. Я сам не знал, куда сбегать этот балласт.

– Но стоило ли попадать в тюрьму? Это все бессмыслица какая-то. Что Андрей Викторович сделал такого, чтобы ты захотел его убить?

Я останавливаюсь примерно на середине пути и выжидающе смотрю на Макса. Он молча возвращает взгляд, и это длится так долго, что мое терпение потихоньку иссякает.

– Будешь играть в молчанку? – не выдерживаю я.

Он равнодушно пожимает плечами и идет дальше. За это я готова смоделировать в руке что-нибудь тяжелое и запустить ему в спину.

– Ты же не наемный киллер! – бросаю вдогонку. – Тебе ведь нужно было решиться переступить грань и кого-то убить. В первый раз это непросто.

– А кто сказал, что это в первый раз?

Вопрос повисает в воздухе, и мне снова не по себе. Я чего-то не знаю о Максе. Изучила его досье, но кажется, что прочитала тоненькую брошюрку о совершенно другом человеке. В той пластиковой папке была фотография Макса, но вот описан там был не он. И мне ужасно не хочется знако-

миться с тем, другим, человеком. Хочется простоты и ясности. Хочется понять мотивы и больше не погружаться в подсознание Максима Велса. Но своим молчанием он вызывает во мне сомнения. И словно волоком волочит по пути, по которому я следовать не хочу.

– Отлично, – выдыхаю я и, воспользовавшись тем, что Макс прошел вперед и не успевает меня остановить, подлетаю к ближайшей двери, – разберусь и без твоей помощи.

Он издает протестующий возглас, но я уже поворачиваю ручку и врываюсь в комнату. Это детская, прямо как из журналов для будущих мам. Кроватка под пышным белым пологом стоит у стены, рядом пеленальный столик и комод. Целая гора игрушек. Окружающая обстановка на миг искажается, как испорченная помехами картинка в телевизоре, и в следующую секунду в центре комнаты я вижу женщину. У нее длинные светлые взлохмаченные волосы и перекошенное от страха лицо. Стройные загорелые ноги испачканы в крови, точеные руки от кистей до локтя – тоже. На шее блестит золотая цепочка, но мне бросаются в глаза еще и синие отметины от мужских пальцев. Белая объемная рубашка с небрежно закатанными рукавами расстегнута наполовину и едва доходит до середины бедер. Внизу она тоже измазана в крови.

– Не подходи ко мне, Максим! – заламывает руки женщина, ее тушь черными потоками струится по щекам вместе со слезами.

Это выглядит так реалистично, что на миг мне кажется, что я ворвалась в помещение прямо в середине супружеской ссоры. По спине бежит легкий холодок, потому что взгляд незнакомки устремлен поверх моего плеча, и я точно знаю, на кого она смотрит. На того, кто стоит сейчас прямо за мной, и чье дыхание касается моего затылка.

Заметив рядом с собой книжную полку, я тянусь и пытаюсь сбросить на пол одну из книг. Она кажется приклеенной намертво, сдвинуть ее с места мне не под силу. Окончательно убеждаюсь, что попала в воспоминания Макса. Похоже, что ворвавшись в комнату следом за мной, он невольно воспроизвел в памяти развернувшиеся здесь события. В первый же сеанс! Он определенно бьет все рекорды.

– Пожалуйста, ради Бога, не трогай меня! – продолжает истерично кричать женщина.

Макс хватается меня за горло и выволакивает в коридор. Сквозь шум в ушах слышу звук захлопнувшейся двери. Макс с размаху ударяет меня о стену. Затылок, плечи, спина – все взрывается острой болью. Наваливается сам. Мне не хватает воздуха, и перед глазами идут разноцветные пятна.

– Прекрати так делать! – оглушительно орет он мне в лицо.

– Это ты... – хриплю я, – сам... это не я... это ты...

– Прекрати лезть в мою голову, Синий Код!

В момент, когда я уже перестаю себя контролировать и решаю его ударить, ноздри начинает щекотать навязчивый за-

пах жасмина. Это очень плотный и тяжелый запах, его просто невозможно игнорировать. Стискиваю зубы. Жасмин – это не хорошо. Это значит, что там, в реальности, у моего объекта жизненные показатели вышли за пределы нормы. Мне нельзя его бить. Если не хочу вогнать в кому, конечно же.

Когда-то давно, в лаборатории, мы с Соловьевым разрабатывали систему знаков. Перцептор, погруженный в сеанс, не ощущает того, что происходит в реальности. Он может не понять, когда пора остановиться. Поэтому в случае опасности наблюдатели из медицинского персонала должны подать знак. Звуки и изображения – бесполезны. Запах стал универсальным решением проблемы. Для себя я выбрала жасмин и с тех пор не изменяла привычке.

– Ты не понимаешь по-хорошему, да? – шепчет мне прямо в ухо Макс.

От этого шепота мне не менее жутко, чем от крика.

– Остановись... – задыхаюсь я, – просто объясни... что это было...

– Ты не понимаешь по-хорошему, – уже утвердительно произносит он, растягивая слова.

Пальцы Макса разжимаются, и я с громким хрипом жадно наполняю легкие воздухом. Правда, это единственная поправка. Он снова стискивает пальцы. Другой рукой задирает мою юбку. Разрывает трусики. Не отрывая от меня бешеного взгляда, плюет на свою ладонь, а потом припечатывает ее

мне между ног. С усилием проводит вниз и обратно наверх. Возится с «молнией» на своих джинсах. У него лицо человека, которого бесполезно умолять о пощаде.

Я сдаюсь.

В момент, когда Макс входит в меня, я выбрасываю нас из сеанса.

Оглушительный писк медицинских приборов ударил по ушам в тот момент, когда я открыла глаза. Кофточка неприятно липла к спине, мокрой от пота. Я тут же выдернула свои руки из пальцев Макса. Его челюсти были стиснуты, на скулах играли желваки. Взгляд оставался прежним, тяжелым и злым. Та самая медсестра, которая в начале сеанса подходила ко мне, бросилась вводить ему что-то внутривенно, а он зыркнул на нее так, что бедная девушка вздрогнула.

Главврач убрал от моего лица ароматизированную подушечку с запахом жасмина и обеспокоенно заглянул в глаза.

– Вы в норме?

Но я смотрела только на Макса. Похоже, что ему ввели успокоительное, потому что взгляд стал «уплывать».

– Никогда больше... не появляйся здесь... – пробормотал он заплетающимся языком.

Я назвала его матерным словом, развернулась на каблуках и ушла, не обращая внимания на Вронскую, которая пыталась со мной заговорить.

Сергей нашел меня в туалете для посетителей, где я сидела на закрытой крышке унитаза и дрожащими руками пыталась подкурить третью по счету сигарету. Распахнул не запертую, а только прикрытую дверь кабинки, пару секунд постоял, разглядывая меня.

– Маська, нельзя курить! Нельзя! – муж нагнулся, выхватил у меня сигарету, от которой только-только пошел дымок, затушил ее о стену и выкинул в мусорную корзину. Отобрал из моих пальцев зажигалку и полупустую пачку, поднял с пола сумочку и запихнул все туда.

Странно, он запрещал мне курить, якобы о здоровье заботился, но никогда не совершал ничего кардинального. Не выкидывал мои сигареты, например. Просто убирал их с глаз. Боялся обидеть?

– А я за тобой приехал, ждал-ждал, а ты не выходишь, – муж присел передо мной на корточки, отвел пряди волос от лица, – зашел спросить, никто тебя не видел. Хорошо, что уборщица подсказала, что ты вроде сюда пошла.

– Я не хочу продолжать... – пробормотала я, поднимая взгляд на его обеспокоенное лицо, – хочу отказаться...

Сергей встревожился еще больше.

– Нельзя отказываться, маська! К нам на счет уже деньги упали. Я проверял.

– Он меня чуть не изнасиловал...

– Но ты же знаешь, что делать. Ты всегда знаешь, как по-

ступать в таких ситуациях. Самооборона и все такое.

– Я не смогла применить самооборону. Он сильно нервничал.

– Ну это правильно. Не стоит рисковать здоровьем курицы, которая несет такие золотые яйца, – усмехнулся муж.

Я посмотрела на него округлившимися глазами, а потом взорвалась:

– Ты что, мать твою, глухой? Он чуть не трахнул меня! Этот сукин чертов сын душил и пытался трахнуть меня, а ты говоришь, что мне не стоило защищаться?! Каждый раз, на каждом первом сеансе какой-нибудь козел пытается меня трахнуть, это, по-твоему, нормально?!

– Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! – Сергей обхватил меня, прижал голову к своему плечу и принялся раскачиваться, похлопывая по спине и утешая. – У тебя истерика, маська. Ты приписываешь мне то, чего я не говорил.

– Отпусти меня! – дернулась я.

– Ш-ш-ш! Тебе надо выпить. Поехали домой. Я подогрею тебе вина и сделаю расслабляющий массаж. Сама не заметишь, как уснешь сном младенца.

Он поглаживал и укачивал меня, пока я пыталась вырваться и колотила его по рукам. Наконец, его терпеливость победила мои эмоции, и я сдалась.

– Пойми меня, маська, – пробормотал муж, – если бы ты была неподготовленной нежной барышней, я бы никогда не допустил тебя туда. Но ты – боец. Ты – лучшая. Ты все уме-

ешь. Нет таких ситуаций, которые бы вы не прорабатывали уже с Соловьевым. Ты всегда знаешь, что делать.

Я не знала, как ему сказать, что в тот момент, когда Макс размазал меня по стенке, я ощущала себя самой нежной и беспомощной из всех барышень.

– В том-то и дело, – пробормотала я, – похоже, что мы не все прорабатывали. В этот раз все идет не так.

– Как это «не так»? – удивился Сергей.

– У него воспоминания стали прорываться в первый же сеанс. Его сознание сначала оттолкнуло меня, а потом приняло глубоко в себя.

Рука мужа замерла на моем плече.

– Он... перцептор?

Я покусала губы, раздумывая, что ответить на вопрос, который уже тысячу раз задала самой себе.

– Нет. Не думаю. Когдаходишь в сознание перцептора, это происходит очень легко и быстро. Ну что я тебе объясняю, ты и сам все знаешь. В начале сеанса я испытывала дискомфорт, как при слиянии с не-перцептором. Это и сбило меня с толку. Потому что потом... он как будто все знал. Меня знал. Мои слабые стороны знал, – я припомнила, как сообщила Максусу, что замужем, и с какой откровенной скукой он на это отреагировал, – и только притворялся, что не в курсе. Он даже специально называет меня «Синий Код», потому что откуда-то знает, как меня это бесит. Как будто не только я проникла в его подсознание, но и он – в мое. А ко-

гда я совершила непредсказуемый шаг... просто бросилась в первую попавшуюся дверь... это его вывело из себя.

– Тебе, наверно, показалось, маська, – Сергей помог мне подняться. – Ты совсем себя загнала. Только-только после одного дела, и сразу взялась за второе, вот и кажется. Пойдем. Пойдем.

Придерживая за плечи, он повел меня из здания следственного изолятора. Погода испортилась, на улице стемнело, хлестал дождь. Заботливо раскрыв над головой зонт, Сергей помог мне добежать до машины и усадил в теплый салон. Сам, пригибаясь под хлесткими струями и складывая зонт на ходу, обогнул автомобиль и сел за руль. Я устало прислонилась щекой в спинке сиденья и прикрыла глаза.

– Сереж, мы должны вернуть деньги. Я не хочу заниматься этим делом. Это слишком сложное дело для меня.

Лицо мужа в полутьме виднелось благодаря подсветке приборной панели. Я заметила, что он нахмурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.